

Б. В. ТЕНЕНБАУМ

Черчилль: трагедии и триумфы

<Фрагменты>

<...>

20 июля 1900 года пассажирское судно «Dunnotar Castle», прибывшее из Южной Африки в Англию, в Саутхэмптон, доставило в числе прочих и молодого человека, который страшно торопился. Поэтому он и выбрал именно «Dunnotar Castle» — «Замок Даннотар». Пароходная линия «Castle Line» благодаря этому судну срезала время пути от Кейптауна до Саутхэмптона с 42 дней до 17 дней и 20 часов, а у молодого человека каждый час был на счету.

Он боялся опоздать — его кандидатура была выставлена на выборах в парламент в округе Олдхэм, куда он немедленно и отправился. 25 июля он произнес там пылкую предвыборную речь перед десятью тысячами своих потенциальных избирателей, а на следующий день выступил с еще одной речью, на этот раз — в Королевском театре Олдхэма. Принимали его замечательно, с шумом и аплодисментами. Увы, матушки молодого человека в зале не было: она собиралась замуж, и свадьба была назначена на 27 июля, так что выкроить время на то, чтобы приехать и послушать речь сына, она никак не могла.

27 июля 1900 года леди Черчилль, вдова лорда Рэндольфа Черчилля — матушка нашего героя, обвенчалась с капитаном полка шотландских гвардейцев по имени Джордж Корнуэллис-Уэст.

Отважный капитан был старше ее сына Уинстона Черчилля — который родился в 1874 году 30 ноября — всего на 16 дней. Это нуждается в некоторых комментариях.

Наверное, наиболее точным определением леди Черчилль было бы «веселая вдова» — в духе оперетты Ференца Легара¹,

которая так и называлась. Беда была только в том, что в 1900 году до написания оперетты оставалось еще 5 лет, и если «вдовой» леди Дженни Черчилль стала относительно недавно, то «веселой» ее можно было называть с полными на то основаниями уже добрых 20 лет.

Свои золотые женские годы она проводила довольно весело. По крайней мере, отцовство ее второго сына, Джона приписывали вовсе не официальному супругу, лорду Рэндольфу, а ее «близкому другу» виконту Фэлмоуту.

Что касается старшего сына, Уинстона, то он родился 30 ноября 1874 года, его отцом, бесспорно, был лорд Рэндольф, и сейчас он возвращался в Англию из Южной Африки в надежде успеть на свадьбу матери.

К его неполным двадцати шести годам Уинстона уже немало поносило по свету: в качестве военного корреспондента он побывал на Кубе, в качестве лейтенанта гусарского полка успел повоевать в Индии, в качестве сверхштатного офицера уланского полка — в Судане, а вот сейчас возвращался после сенсационного побега из плена, куда он угодил во время бурской войны. Буры с его статусом «представителя прессы» не посчитались, объяснив Уинстону, что к ним в плен сыновья лордов попадают не часто, и они предпочитают его задержать как ценный материал для обмена. Он с их доводами не согласился и умудрился не только удрать из-под стражи, что само по себе было не так уж и трудно, пленных охраняли не строго, но и забраться тайком в товарный поезд и добраться таким образом до португальской колонии в Анголе.

Его побег наделал в Англии шуму — война шла неудачно, и романтическая история о храбром и предприимчивом молодом человеке грела сердце публики, что было на руку и самому юному удалцу: он собирался заняться политикой.

Это последнее замечание — «решил заняться политикой» — тоже нуждается в комментариях. Дело тут в том, что лорд Рэндольф лордом был, если можно так выразиться, условным. С одной стороны, ну как еще можно изменить человека, родителями которого были 7-й герцог Мальборо и его супруга, дочь 3-го маркиза Лондондерри?

У этой любящей пары было 11 детей, и лорд Рэндольф был их пятым ребенком и третьим по счету сыном. Это последнее обстоятельство — то, что он был третьим из сыновей, — было решающим. Титул и состояние по законам майората наследовал

старший сын, его сестер выдавали замуж за достойных их знатного имени супругов, а его братьям надо было делать карьеру самим. Старший оставался хранителем имени, семейного состояния и титула, своего рода живым памятником основателю рода, и не случайно следующие обладатели титула нумеровались.

Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо, был национальным героем Англии во времена королевы Анны и войн, которые вела Англия против Людовика XIV. А лорд Рэндольф Черчилль был его потомком в восьмом поколении, но, к сожалению, только в качестве *«младшего сына седьмого герцога Мальборо»*.

Для таких *«младших сыновей»* знатнейших родов Англии, впрочем, открывались неплохие перспективы в политике, или в юриспруденции, или в военной сфере. Наконец, к последней четверти XIX века появилась и еще одна возможность: жениться на наследнице какого-нибудь американского нувориша, соединив таким образом в одной семье и знатное имя, и приличные деньги. Лорд Рэндольф, кстати, так и сделал. Он женился на Дженни Джером, дочери американского миллионера, и молодые супруги весьма скоро стали родителями — что на месяц отличалось от ожиданий и вызвало потом некоторые толки.

Как бы то ни было, лорд Рэндольф не ограничился браком с богатой наследницей, а занялся и политикой. И, надо сказать, поначалу очень успешно. Будучи младшим сыном пэра, он не имел права на наследование титула, но имел право быть избранным в палату общин, где могли выразить свою волю *«простые люди Англии»*. Конечно, не все эти простые люди были так уж просты, попадались и честолюбивые отпрыски аристократических родов, вроде самого лорда Рэндольфа, и богатые воротилы индустрии, торговли, банковского дела, но хватало и адвокатов, и социальных реформаторов, и деятелей, связанных со всевозможными общественными и церковными организациями.

Некоторые из них и вправду выходили из самых низов, что придавало английской социальной системе большую гибкость: самые талантливые люди из числа тех, кто отважно шел на штурм *«крепостной стены сословных привилегий»*, при наличии успеха немедленно принимались в ряды тех, кто на стене уже стоял. Скажем, попавший в парламент в 1890 году Дэвид Ллойд Джордж — сын учителя, выбившийся в юристы.

Что до лорда Рэндольфа, то ему, конечно, помогали и семейные связи, и громкое имя, так что в парламент попал легко. И начал

двигаться вверх и вверх, пока не занял пост министра финансов. В Англии, тщательно соблюдающей старинные традиции, министр финансов официально назывался не министром финансов, а «Chancellor of the Exchequer», что в принципе можно перевести как «Канцлер Клетчатой Доски». Но функции его, конечно же, к «клетчатой доске» отношения не имеют, а состоят в основном в формировании государственного бюджета и управлении им.

Все по той же традиции пост этот уступает по значению только посту премьер-министра.

Дело, в общем, шло к тому, что лорд Рэндольф и сам сможет со временем притязать на роль премьера — но что-то в его жизни сломалось. Он наделал глупостей, ушел в отставку и вскоре умер. Брак его фактически развалился задолго до его смерти, и все, что от него осталось, был его старший сын Уинстон, для которого отец был героем и чей путь в политике он собирался повторить.

Сделать это, однако, было не так-то легко даже и внуку 7-го герцога Мальборо. Ну, для начала — ни у Уинстона, ни у его матушки не было никаких серьезных средств.

Американский дедушка был натурой увлекающейся и тратил на скаковых лошадей и на балерин столько, что дочери много он уже не оставил. Леди Черчилль сыну серьезно помочь деньгами не могла — во-первых, у нее их было немного, во-вторых, тратила она их широко, в-третьих, чувства ставила выше материальных соображений, что видно и из заключенного ею второго брака — ее новый муж был моложе ее на 20 лет, но средств не имел.

Правда, не имея денег, она имела завидные социальные связи. Викторианское общество на многие вещи смотрело широко, так что леди Черчилль считалась особой если и не вполне респектабельной, то и уж никак не парией. А так как она была к тому же очень красива, дружелюбна и обаятельна, то с ней дружили очень многие — даже жена принца Уэльского, с которым у Дженни Черчилль был недолгий роман. В общем, первые газетные заказы на статьи своему сыну устроила именно она.

Пытаться пробиться в журналистику его вынудила нужда. Денег не хватало просто отчаянно — служебное жалованье молодого офицера элитного полка не покрывало и половины того, что ему требовалось тратить для поддержания социального статуса. Решение зарабатывать деньги пером было весьма отважным — формальное образование было у Уинстона Черчилля если не нулевым, то весьма близким к этой печальной отметке. По заведенным

порядкам викторианского общества, юные аристократы должны были учиться в частных школах, где они жили на полном пансионе. Учился Уинстон отвратительно. В классе из одиннадцати учеников он занимал прочное одиннадцатое место.

Когда его забрали из школы и перевели в другую, он в классе из 21 ученика столь же твердо встал на 21-е место.

Отчаявшийся лорд Рэндольф решил, что ни политика, ни юриспруденция его болвану-сыну не подходят, и предложил ему попробовать военную карьеру. В итоге Уинстон поступил в военное училище Сэндхерст, в кавалерию — экзамены туда были легче, чем в пехоту. Ну, в науках он и там не блистал, но хорошо занимался в классах истории и английского, даже стал, как ни странно, чемпионом училища по фехтованию. Честолюбие у него было бешеное, он всячески старался обратить на себя внимание и в результате стал весьма непопулярен среди собратьев, гусарских офицеров, которые прозвали его «Ловец медалей». Он, можно сказать, лез на рожон и так норовил показаться на всеобщее обозрение в самом опасном месте, что это вполне можно было посчитать позерством.

В защиту юного гусара следует сказать, что под огнем он никаких героических истерик не устраивал, а, напротив, вел себя весьма разумно и хладнокровно. Когда в Судане в сражении под Омдурманом, он оказался лицом к лицу с полудюжиной противников, он не стал полагаться на свои способности фехтовальщика, а попросту вытащил из кобуры револьвер и пустил его в ход. Угодив вместе с остальными в Южной Африке в засаду, остановившую их бронепоезд, он занялся не стрельбой по невидимому противнику, а до последнего старался убрать препятствия с рельсов, чтобы бронепоезд мог попытаться уйти назад. А когда это не получилось, не сдался в плен вместе с остальными, а попытался бежать. Неудачно — его поймали. Но поскольку в итоге молодому корреспонденту Уинстону Черчиллю бежать все же удалось и на волне этого успеха даже приобрести значительную известность, он решил немедленно превратить этот успех во что-то осязаемое и пытаться пройти в парламент.

Он, собственно, уже пробовал это сделать в 1899 году, когда выставил свою кандидатуру на досрочных выборах на освободившееся в парламенте место, но проиграл. Он вернулся на войну, сумел получить лейтенантский чин в полку Легкой Южно-Африканской Кавалерии, в числе первых ворвался в завоеванную,

наконец, Преторию — и теперь твердо рассчитывал, что военный опыт улучшит его шансы у избирателей.

Так и вышло. В 1900 году Уинстон Черчилль получил место в парламенте и немедленно отправился в лекционный тур по Англии, США и Канаде.

Во-первых, ему тогда — как, впрочем, и всегда — были очень нужны деньги, а его лекции, как оказалось, собирали много народу.

Во-вторых, у него появилась основательная тема для бесед на политические темы — опыт бурской войны.

<...> Мир на пороге начала нового, двадцатого века имел центр. Центром этим была Европа. К вышеуказанному определению «центром мира была Европа» не следовало даже добавлять особых дополнений вроде: *весьма вероятно, скорее всего*, или даже «бесспорно». Они только ослабили бы ясный и неоспоримый для современников факт: центр мира — Европа. Все, что было связано с наукой, с технологией, с управлением, с государственными законами с судом — все это имело один-единственный стандарт — европейский.

Термин «европейский» не обязательно замыкался в границах собственно Европы. Россия, чья территория простиралась от Балтики и до Тихого океана, уже двести лет как входила в европейскую систему, и сама Российская империя была одной из великих европейских держав. Америка, отделенная от Европы Атлантическим океаном, была населена выходцами из Европы и управлялась по принципам, которые они принесли с собой. Театры в Бостоне и в Нью-Йорке показывали свежие постановки, привезенные из Лондона. Старина Джером, дед Уинстона Черчилля, завел у себя в Нью-Йорке, в «Доме Джерома», театр на 600 мест, и пела в нем шведская певица, которая нравилась ему не только своим пением и стоила, пожалуй, не меньше, чем весь театр.

<...> Но и в Лондоне взгляд на Германию начал меняться. Скромные и слегка деревенские «родственники нашей королевы Виктории» стали выглядеть как соперники и конкуренты, и тот факт, что в разразившейся вскоре бурской войне буры воевали оружием, закупленным в Германии, выглядел уже отнюдь не забавным.

Обе стороны сделали из происшедшего недоразумения свои далеко идущие выводы. В Англии в 1900 году на волне вспыхнув-

шего патриотизма прошли так называемые выборы «хаки» — названные так по цвету новой защитной формы британской армии, оказавшейся необходимой в период бурской войны.

Они привели в парламент новое поколение политиков, куда более озабоченных обороной страны, чем их предшественники.

Одним из них оказался 26-летний Уинстон Черчилль.

А в Германии было принято решение сделать англичанам ответный намек. Было решено построить серьезный линейный флот. Осуществление этого проекта было возложено на адмирала Тирпица.

Вряд ли Черчиллю в 1900 году приходило в голову, что когда-нибудь они померяются силой.

<...> К началу двадцатого века примерно половина торговых судов мира ходила под английским флагом. Английские товары продавались по всему свету, и само определение «английский» служило синонимом высокого качества. Англия имела самый высокий процент городского населения в мире — 54% ее населения жили и работали в городах, производя эти товары. В обмен покупались многие вещи, в частности — сырье для промышленности и продовольствие, две трети потребления которого покрывались поставками из-за рубежа.

Превосходство Великобритании в отношении прочих европейских держав рассматривалось в самой Великобритании как данность, не требующая доказательств. Английский военный флот — по формуле, освещенной временем, — «превосходил два следующих европейских флота, вместе взятых».

Колониальные войны выигрывались без особых усилий. Чуть ли не главным предметом в кавалерийском училище Уинстона Черчилля было обучение будущих офицеров тонкостям игры в конное поло — они обязаны были хорошо понимать в выездке лошадей.

